

Мидория Инко знала, что с ее сыном не все в порядке. Узнав, что он был Причудливым, несмотря на то, что у обоих его родителей были причуды, она разрушила

мечту своего ребенка Изуку стать героем. Может быть, ей не стоило говорить ему, что это невозможно. Может быть, ее сын все еще был бы счастлив, если бы она

позволила ему жить во лжи, но она знала, что не сможет жить с собой, если Изуку пострадает, пытаясь быть героем без причуды.

Первые пару недель были адом. Если Изуку не плакал над своим любимым видео All Might Coach, у него было безжизненное поведение зомби, и если бы он не уныло

смотрел в пространство, он работал над своим блокнотом трясущимися пальцами. Инко чуть не сломался, чуть не сказал ему, что он все еще может быть героем, что

он может записаться на боевые искусства или что-то в этом роде, научиться спасать других без причуды. Если бы это продолжалось намного дольше, она могла бы

это сделать.

Это было похоже на то, как если бы в мозгу Изуку щелкнул переключатель. Однажды плач, вялость, выражение разбитого сердца и разбитых мечтаний сменились

апатией. Конечно, он все еще улыбался или хмурился. С годами Инко научился считывать тонкие изменения в выражении лица. Тем не менее, он никогда не смеялся,

никогда ничему не удивлялся, никогда не говорил больше, чем ему было нужно, и не пробовал что-то другое. Он держался особняком, работая над своими тетрадями

героя и готовясь к школе.

Инко иногда задавалась вопросом, стоит ли ей отвести сына к психологу. Даже если бы это стоило ей больше, чем она могла себе позволить, она могла бы найти

способ заставить это работать. Единственное, что ее останавливало, это то, что она не могла сказать, что с ее сыном что-то не так. Он вел себя не так, как другие

дети, но его оценки были нормальными, а у учителей не было никаких замечаний. Если бы она не могла сказать, что с ним что-то не так, то можно ли было бы что-то

исправить?

Инцидент со слизью, казалось, вызвал перемены в Изуку. Он начал тренироваться, больше есть и выходить на улицу. Когда она спросила, почему, Изуку сказал ей,

что он подал заявку на участие в программе героев США, и он хочет пройти. Как бы она ни испытывала искушение опустить ногу, сказать ему, что это слишком

опасно, особенно после того, как злодей чуть не убил его, мысль о том, что он, наконец, выйдет из своей скорлупы, изменила ее мнение. Инко надеялась, что она

вернет своего улыбающегося сына.

Только он так и не вышел из этой скорлупы. Хотя его аппетит улучшился, а тело стало заметно

более спортивным, отношение Изуку осталось неизменным. По мере

приближения дня экзамена Изуку не выказывал ни намека на волнение или беспокойство. Он вышел из дома с рюкзаком, накинутым на плечи, парой садовых ножниц,

торчащих наверху, и щитом из плексигласа в одной руке.

Когда Изуку вернул результаты, набрав высший балл на физическом экзамене и проходной балл по письменной части, получив полную стипендию в дополнение к

участию в программе героев, и небрежно бросил письмо о зачислении на стол без намека на радость или счастье, Инко поняла, что ей нужно с кем-то поговорить. Она дождалась начала учебного года, дождалась, пока сможет взять выходной с обеих своих работ, прежде чем позвонить в школу. Сказав помощнице, чего она

хочет, ее быстро передали директору. Она быстро объяснила свои опасения, и он спросил ее, какое время лучше всего подходит для нее. Когда она сказала, что

может приехать в любое время в понедельник, он назначил ей ранний утренний визит.

После того, как Изуку ушел в школу, Инко упаковала свой рюкзак, наполнив его уведомлением врача, которое она получила, когда ему было четыре года, а также

всем, что, по ее мнению, могло объяснить, что, по ее мнению, было не так, фотографиями его одного во время вечеринок по случаю дня рождения, его нейтральным

выражением лица, когда он получил новую фигурку Всемогущего, табели успеваемости и заметки с родительских собраний.

Ластик встретил ее у ворот школы. Изуку сказал ему, кто он такой, и объяснил, что он действовал вне центра внимания, но было трудно поверить, что неопрятный,

потрепанный мужчина был не только классным руководителем ее сына, но и профессиональным героем. Пресса неловко расступилась вокруг него, когда он отвел

взгляд в сторону, освобождая место для Инко.

Голова-ластик похвалил ее за то, что она не теряла времени даром, и повел ее в школу. Она таращилась на пейзаж, изо всех сил пытаясь понять, насколько

обширной и современной выглядит школа, но быстрый темп Головы-ластика заставил ее спешить, чтобы не отставать от него. Она почти запыхалась к тому времени,

когда они добрались до конференц-зала.

Крошечный грызун с белой шерстью в костюме и старушка в халате врача со шприцем для украшения волос ждали ее, сидя за большим столом. Были поставлены

четыре чашки чая, все еще горячие, с белым фарфоровым чайником в центре стола. Голова-ластик сел рядом с грызуном, оставив Инко место в дальнем конце

стола. Инко попробовала чай и нашла его освежающе сладким.

«Я сама не люблю фруктовые чаи, — сказал ей грызун, — но я подумала, что тебе это

понравится больше. Тебе это нравится?

— Да, спасибо. Инко сделала еще один глоток, чтобы успокоить нервы. — Спасибо за встречу со мной, господин Незу. Я не хочу быть беспокойным».

— Вовсе нет, — ответил Незу. «Благополучие студентов этого учебного заведения всегда будет моим главным приоритетом. Я рад встретиться с равнодушными

родителями в любое время». Указывая на остальных за столом, Нэдзу сказал: «Это Сюдзэндзи Тиё, школьная медсестра, и Айзава Сёта, классный руководитель Мидория-куна. Итак, я знаю, что мы немного обсуждали это по телефону, но я был бы признателен, если бы вы могли дать нам подробный отчет о том, что вас

беспокоит».

Инко рассказала им все, что только могла придумать: диагноз доктора и его поведение через несколько недель, внезапное изменение, его апатия, атака злодейслизи и его пылкие тренировки после этого. Она показывала свои фотографии, записи, медицинские записи, задаваясь вопросом, подумают ли учителя, что она

сумасшедшая. Для нее это звучало безумно, все выложено, безумно поднимать шум из-за того, что ее сын был далеким и замкнутым после того, как его мечты были

разбиты, но было приятно снять все ее заботы с груди.

Незу делала заметки на протяжении всей своей речи. Когда она остановилась, он продолжал писать несколько минут, царапая перьевой ручкой, заполняя тишину в

комнате. «Это все?» — спросил он.

— Конечно. Спасибо, что выслушали, извините, если я потратил ваше время впустую...»

— Вы ничего не упускаете, не так ли?

Глаза-бусинки Незу, казалось, просверлили дыры в ее черепе. Инко нервно сглотнул и сказал: «Нет, я так не думаю. Почему, что-то не так?

Сюдзэндзи и Айзава обменялись взглядами, от которых у Инко резко упал живот. Незу постукал ручкой по столу, погрузившись в раздумья.

«Для протокола, — сказал директор, — я не подозреваю каких-либо проступков с вашей стороны». Сердце Инко чуть не остановилось от серьезности его тона и

слов. «Однако, если я найду основания полагать обратное, мне, возможно, придется привлечь власти».

Сердце Инко соединилось с ее животом где-то рядом с пальцами ног. — Что случилось?

Оба преподавателя повернулись к директору. Незу глубоко вздохнул и сказал: «Извините, что спрашиваю тебя так, но знаешь ли ты о шрамах Изуку?»

— Его что?

Незу кивнул в сторону Айзавы. Учительница достала пульт, включив проектор над столом. Изображение, сделанное во время боевой подготовки, было немного

размытым, увеличенным, но она все еще могла разглядеть слабые пятна и линии на коже Изуку, ослепительно белые на фоне бледной кожи Изуку.

Слезы потекли по лицу Инко, когда она увидела снимок, еще больше размыв шрамы. "Когда?" - спросила она хриплым голосом. — Когда это произошло?

«Я поближе познакомился с его шрамами, когда он вошел в мой кабинет», — сказал Сюзэнджи. «Все они выглядят годами, и хотя я не могу быть уверен, похоже, что

все они произошли в разное время. Насколько я могу догадаться, это происходит уже давно». Медсестра сделала мрачное выражение лица и с горечью сказала:

«Они не выглядят самоубийцами».

«Кто-то сделал это с ним? Кто? Почему?

— Мы не знаем, — сказал Незу. «Я просматривал школьные записи, но у Альдеры ничего не было. Это займет время, но я работаю над тем, чтобы получить доступ к их

записям с камер наблюдения».

Инко едва могла говорить от того, как сжалось ее горло. Она больше не могла видеть, ослепленная своими слезами. «Как я не знала об этом?» — завопила она,

всхлипывая. «Как я мог быть таким глупым?»

Сюдзэндзи вскочила со стула и подошла к Инко. — Вы двое, — огрызнулась она на Незу и Айзаву, — вон.

— Мы будем по соседству, — сказал Незу. — Уделите столько времени, сколько вам нужно, Мидория-сан.

Когда они остались одни, Девушка-Выздоравливающая пододвинула стул рядом с Инко. Она сидела рядом с ней, похлопывая ее по плечу, рыдая, уткнувшись в стол.

— Все будет хорошо, Мидория-сан. Мы сделаем все, что в наших силах, для вашего сына».

«Как я не знал? У него были шрамы по всей руке и спине бог знает сколько времени, и я даже не заметил их. Как?

— Как ты думаешь, он специально их прятал?

Инко принюхалась и вытерла лицо. «Я – он должен был иметь. Он всегда носил длинные рубашки, как бы жарко ни было... Он всегда говорил, что ненавидит

плавание. Как я все это пропустил?

«Все в порядке, дорогая, ты не знала. Никто не идеален. Вы ничего не смогли бы сделать, если бы он не сообщил вам о своих проблемах».

— Но почему? Инко схватил Сюдзэндзи за плечи. Ее глаза наполнились свежими слезами.

«Почему он мне не сказал? Неужели он думал, что мне будет все равно?

Неужели он думал, что я ему не поверю или что-то с этим сделаю?

— Не знаю, — сказала Recovery Girl. «Это то, что тебе придется узнать от своего сына».

Плечи Инко обвисли. «Я сделал это. Когда ему поставили диагноз, он спросил меня, может ли он по-прежнему быть героем. Я — я только что извинился! Я даже не мог

сказать ему, что у него все еще может быть своя мечта! Я не мог — я так беспокоился о том, что с ним случится, и я — если бы я был более благосклонен, если бы я

помог ему стать героем, о котором он всегда мечтал, возможно, он бы доверился мне. Может быть, он сказал бы мне, что все это происходит». Инко стала почти

непонятной, когда ее грудь затряслась от всех рыданий. «Может быть, этого даже не случилось бы!»

— Вы не ошиблись, господин Мидория. Работа героя опасна. Твой сын пришел несколько дней назад с двумя сломанными пальцами, я полагаю, он тоже не сказал

тебе об этом?

Пораженное лицо Инко было единственным ответом, в котором нуждался Сюдзэндзи. Пожилая женщина покачала головой. «Это достаточно распространенное

явление во время тренировок. Ожоги, порезы, переломы костей, сотрясения мозга, растяжения связок, что угодно, я видел это в своем кабинете. Мы пытаемся

ограничить это, но факт в том, что они должны быть подвергнуты этой опасности заранее, иначе реальный мир переживет их. Работа героя — это не гламур, это не

уютная жизнь. Это жизнь, полная трудностей и жертв, которая нелегка для всех, даже для тех, у кого есть сильные причуды. Если бы я не видел, на что способен Мидория, я бы настоял на том, чтобы его перевели на общие занятия».

«Даже сейчас я все еще не могу поверить, что он здесь. Я даже не знаю, как мне это удалось! Насколько это ужасно? Я должен был быть там, чтобы поддержать его,

но вместо этого он должен был сделать все это сам. Неудивительно, что он никогда ничего мне не говорил!

Инко уткнулась лицом в плечо Сюдзэндзи, промокнув пальто. Она плакала так пятнадцать минут, в то время как Девушка Выздоровливающая похлопывала ее по

спине и тихо бормотала ей.

— Извини, — сказала Инко, отстраняясь. «Я не должен был...»

— Все в порядке. Сюдзэндзи порылась в кармане и достала жевательную резинку. «Вот, съешьте один. Ты почувствуешь себя лучше».

Инко оцепенело уставилась на зеленого плюшевого мишку между пальцами. Она сунула его в рот, гримасничая от болезненно-сладкого яблочного вкуса. Когда она

проглотила его, прилив энергии распространился по ней, заставив ее чувствовать себя немного менее похожей на смерть.

— Спасибо, — сказала она, ее голос дрожал, когда она сдерживала очередные рыдания. «Ты проходишь через все эти неприятности только ради меня. Я не чувствую, что заслуживаю этого».

«Для этого и нужны герои», — сказал Сюдзэндзи с теплой улыбкой. «Мы помогаем всем, кому и чем можем. Не беспокойтесь о том, что вы того не стоите, потому что

вы того стоите. Ты заботаешься о своем сыне, и поэтому я знаю, что с вами обоими все будет в порядке».

Инко глубоко вздохнула и сжала руки. — Спасибо, господин Сюдзэндзи. Я — я не знаю, что делать дальше. С чего мне начать?»

«Ну, у нас есть консультант в штате для таких ситуаций. Если вы хотите, мы можем поговорить с Незу и узнать, можем ли мы назначить встречу. У нас также есть

психиатры, с которыми мы можем связаться, но может пройти некоторое время, прежде чем они смогут увидеть вашего сына».

«Консультант звучит идеально». Инко вытерла лицо рукавом, поморщившись, когда часть ее макияжа испачкала ткань. «Я беспорядок».

«Не беспокойся об этом, у меня есть порошок, который ты можешь одолжить».

«Все в порядке, я все равно просто иду домой, но спасибо».

Сюдзэндзи налил Инко еще одну чашку чая. — Может, мне пойти за Незу?

— Пожалуйста.

Инко едва успел сделать глоток, прежде чем все вернулись. Она изо всех сил старалась держать себя в руках, но знала, что выглядела как беспорядок, судя по

страдальческому выражению лица Айзавы.

«Насколько я понимаю, вы хотите назначить встречу со школьным консультантом, верно?» Когда Инко кивнула, директор сказал: «Я могу пригласить тебя уже в

следующий понедельник, после школы. Все будет в порядке?

— Так и будет. В тот день у нее была работа на обеих работах, но эта мысль даже не приходила ей в голову. «Большое спасибо».

— В любое время, Мидория-сан. Есть ли что-нибудь еще, с чем мы можем вам помочь?

«Нет, ты уже так много сделал. У меня всё будет в порядке. Спасибо».

— Господин Айдзава может проводить вас ко входу. Я отправлю вам электронное письмо, чтобы подтвердить встречу и сообщить, когда приехать».

Собрав свои вещи, Инко попрощалась с Незу и Сюдзэндзи, прежде чем выйти вслед за Айзавой из комнаты. На этот раз профессиональный герой шел медленнее,

время от времени оглядываясь назад с озабоченным выражением лица. Каждый раз, когда они подходили к углу, он следил за тем, чтобы в коридорах никого не было.

Тропинка была другой, петляя мимо больших, закрытых зданий и открытых полей.

Когда они подошли к маленьким воротам в задней части школы, Айзава остановился. «Это черный вход. После всего этого я подумал, что ты не захочешь иметь дело

со всеми стервятниками, скрывающимися за пределами школы.

Инко потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что Айзава имел в виду репортеров. «Да, спасибо. Я не думаю, что хочу оказаться в газете, выглядящей вот

так».

Айзава улыбнулся, но это было натянуто. «Я так сожалею обо всем, через что вы и ваш сын прошли». Он задрал рукав, обнажив несколько собственных шрамов. «Я

знаю, каково это».

— С ним все будет в порядке? — спросил Инко.

«Он крутой парень. И, честно говоря, у него есть потенциал, чтобы стать потрясающим героем». У него был решительный блеск в глазах, когда он сказал: «Я

позабочусь об этом».

«Жаль, что я не увидел это раньше. Если бы я имел...»

«Это не твоя вина. Я уверен в этом». Он нахмурился и добавил: «Во всяком случае, это какой-то некомпетентный идиот, который руководил своей подготовительной школой, за то, что позволил ей стать такой плохой. Если кто-то из студентов Университета А.А. попытается преследовать его, я позабочусь о том, чтобы их как

минимум исключили».

— Хорошо. Я мог сказать, что его старым учителям никогда не было до этого дела, но я не думал, что могу что-то с этим поделать. Я рад, что у него наконец-то

появился хороший учитель». Вытирая слезу, она сказала: «Спасибо, и хорошего дня, Айдзавасан».

Когда Изуку вернулся домой, Инко почти столкнулся с ним на месте. Увидев длинные рукава его школьной формы, зная, что скрывается под ними, на ее глаза

навернулись свежие слезы, но она вытерла их, прежде чем сын успел их увидеть.

— Знаешь, — сказала она неуверенно, — я хочу, чтобы ты знал, что я горжусь тобой. Я не верил, что ты можешь быть героем, но ты сделал это. Вы добрались до

США. И я хочу, чтобы вы знали, что я сделаю все, что в моих силах, чтобы поддержать вашу

мечту».

Она не знала, как она ожидала реакции своего сына, но его равнодушный кивок казался самым жестоким ответом. «Спасибо, мама. Я рад, что ты так думаешь».

Изуку пошел в свою комнату, тренируясь еще немного, от звука топот ног и тяжелого дыхания за дверью. Однажды, ей просто нужно было продержаться одну

неделю, и они могли разобраться во всем этом. Это заняло у нее слишком много времени, но в конце концов она получила помощь, в которой нуждался ее сын.

У Незу был еще один конференц-зал, ожидающий, когда Recovery Girl выгнала их обоих. Незу потянулся за своей чашкой, но обнаружил, что оставил ее в другой

комнате.

— Какая неприятность, — лениво сказал он. «Я надеюсь, что не станет холодно, прежде чем мы вернемся».

Айзава сел и сложил руки. «Я думала, что мы не подойдем к его матери».

«Она подошла ко мне. Хорошо, что она это сделала. Я думала, что она помогает своему сыну скрыть свою причуду, но теперь я вижу, что она так же в темноте, как и

мы.

— Это хорошо или плохо?

Незу скорчил гримасу. «Очень плохо. Тот факт, что ему удалось так долго держать эти шрамы в секрете от собственной матери, говорит о том, насколько хорошо он

может что-то скрывать, а также указывает на возможные проблемы с доверием. Заставить Изуку признать, что у него есть причуда, не говоря уже о том, чтобы

рассказать подробности ее использования и ограничений, будет практически невозможно.

Айзава барабанил пальцами по столу, глядя вниз с беспокойным выражением лица. «Мне жаль ее. Мы произвели на нее эффект разорвавшейся бомбы, и мы до сих

пор не рассказали ей о его таинственной причуде».

«Боюсь, мы не будем делать этого сегодня».

В голосе Айзавы прозвучала нотка. — А почему бы и нет?

«Во-первых, все наши доказательства являются косвенными. Хотя мы могли бы использовать Цукаучи для решения этого вопроса, ситуация слишком деликатная для

такого молотка, так сказать. Во-вторых, если Мидория-кун узнает о наших подозрениях, это может заставить его бежать. Учитывая, что у него есть информационная

причуда, равная или большая моя собственная, с неизвестными функциями и характеристиками, я содрогаюсь, представляя, как трудно было бы его выследить. Он

может полностью исчезнуть или, что еще хуже, объединиться со злодеями».

«Итак, что мы будем делать? Мы не можем сказать его матери, мы не можем противостоять ему, все, что мы делаем, это ждем, что что-то произойдет. Чего мы

вообще ждем?

«Дополнительная информация. Я слежу за деятельностью Мидория-куна, и то, что я видел до сих пор... Беспокоиться. Его поведение было очень нехарактерным с тех

пор, как он начал занятия в Университете Америки. Его успеваемость значительно улучшилась, и он общается гораздо больше, чем можно было бы предположить из

ограниченной информации, которую я получил от Альдеры, зайдя так далеко, что встречается с несколькими одноклассниками за пределами кампуса».

«В течение последних трех дней он встречался с тремя членами класса — Тодороки, Одзиро и Ашидо. Из них и Одзиро, и Ашидо сегодня подали запросы на новое

вспомогательное оборудование. По наитию я решил спросить их, откуда у них идеи для своего снаряжения, и они оба сказали мне, что это была идея Мидории».

«Он известен в своем классе своим тщательным анализом причуд», — сказал Айзава.

«Неудивительно, что его одноклассники хотели бы получить его совет».

«Это правда, но у Одзиро была более интересная история. Он настаивал на том, чтобы вообще не использовать оборудование, но Мидория предупредил его, что если

он этого не сделает, кто-то умрет».

Айзава наклонился вперед, думая о последствиях того, что сказал Нэдзу. — Значит, это все-таки предсказательная причуда?

«Возможно. Опять же, мы мало что знаем. Что меня беспокоит, так это то, почему его поведение радикально изменилось». Незу почесал лицо, пока его внимание

блуждало. «Если бы он волновался, что мы подозреваем, что у него есть причуда, последнее, что он бы сделал, это привлечь бы к себе внимание, а это значит, что

должно происходить что-то еще. Какой бы ни была причина, я боюсь, что мы узнаем об этом достаточно скоро».

Обеспокоенный тоном голоса Незу, Айзава решил сменить тему. — Ты что-нибудь понял о его причуде?

«Пока ничего. Тем не менее, господин Мидория дал нам хорошую подсказку.

«Изменение эмоций».

— Именно так. Держу пари, что это знаменует собой активацию его причуды. Что бы это ни было, это привело к значительным изменениям в его эмоциональном

состоянии».

— Тем больше причин обратиться к нему за консультацией, — мрачно сказал Айзава. «Я знаю, что ты не хотел выделять его, но, услышав это...»

«Я согласен, и я думаю, что сегодняшний день даст нам прекрасную возможность сделать это».

Айзава удивленно моргнул. — Ты собираешься предложить ей это?

«Я буду. Мне хотелось бы думать, что этого было бы достаточно, чтобы Мидория-кун открылся нам, но я сомневаюсь, что нам так повезет. Этого будет достаточно,

чтобы хотя бы лучше понять его эмоциональное состояние. Со временем это может помочь нам разгадать эту загадку».

Как оказалось, Recovery Girl уже предложила консультацию, и Мидория Инко с энтузиазмом согласилась. К облегчению Айзавы, у них наконец-то была назначена дата

консультации. Наконец-то им выпал шанс помочь такому перспективному студенту.

Видя, как растрепанная Мидория-сан выглядела, Айзава вывел ее сзади, убедившись, что ее никто не видит. Прежде чем расстаться с ней, он постарался успокоить

ее, как мог. По грустной улыбке на ее лице он почувствовал, что этого было достаточно. Это разрывало его сердце, зная, что они скрывают от нее причуду Изуку. На

мгновение он почувствовал искушение рассказать ей то, что знал, но он не мог отрицать логику Незу. Он молча наблюдал, как Мидория Инко шла по извилистой,

одиноким тропинке обратно к школьной стоянке.

<http://tl.rulate.ru/book/53509/3242687>